
Автор: Фомичёва Татьяна Фёдоровна

*Баба Яга, конечно, сказочный персонаж,
но оказывается, и в жизни встречается.*

Жила – была в Курьях одна Баба Яга...

БАБА ЯГА

Баба Яга жила в маленькой избушке с одним оконцем на дорогу. Второе окно глядело во двор. Окна-очи были настолько грязны, что было сомнительно, моются ли они когда-нибудь? Верка как-то поделилась с матерью своими фантазиями:

– Мам, а у нас в деревне Баба Яга живет. Избушка у неё, как в сказке, маленькая, никазистая, только куриных лап не хватает. Я её саму видела несколько раз, когда она воду набирала из колодца. Седые космы, рваная одежда. Ну точь-в-точь Баба Яга.

– А, между прочим, сказала мать, эта Баба Яга – родная тетка нашему отцу.

– Так она нам ещё и родня?! – удивилась Верка.

– Да, и зовут ее тёта Анна.

Верка была настолько оглушена этим сообщением, что на некоторое время замолчала. Но любопытство взяло верх.

– Мама, а почему она живёт в такой маленькой и неухоженной избушке? У неё что, семьи нет?

– Семьи у нее никогда не было. Она всю жизнь прожила одна. До войны не сложилась ее женская судьба, а после войны и вовсе... Мужиков-то вернулось мало. Так и прожила, как говорится, ни богу свечка, ни черту кочерга. Молчаливая, скромная, да и несуразная какая-то была. Возьмет, бывало, вязанку дров, перекинет через одно плечо, одной рукой придерживает, а в другую - ведро с водой. При входе в избу застрянет в дверях. Потом не то-не то протиснется, воду разольет и дрова врассыпную. Сколько себя помнит, в колхозе работала. Пенсию заработала, на которую смотреть-то было боязно, а не то что прожить. Небольшой огород, конечно,

держала. Картошку, овощи выращивала, пока силы были. Помогали племянники. Кто дров привезет, кто молочка принесет, девки-племянницы постельным да одеждой делятся. Так в бедности и живёт. Вот так-то, дочка, люди-то как ещё живут, – заключила мать и вышла из дома по своим делам.

Верка задумалась: страничка из истории... Жила Анна одна, но иногда к ней на постой приходил племянник Гришка. Он чеботарил в деревне. Но слыл пьяницей и вором. Тётка не раз пыталась вразумить парня.

– Иди в колхоз робь, а то ведь сопьёшься.

– Не, тёта, за бесплатно робить не пойду, проживу без вашего колхоза. И жил по-своему. Приворовывал у своих же. Легко добывал, легко сбывал. Родственники и односельчане подозревали его в воровстве. Но, говорят, не пойман – не вор. Однажды на районном рынке Гришке удалось украсть кральку домашней колбасы. Принес тетке.

– Гостинцы тебе принес, тёта, поёшь, вкусная колбаска.

– Нет, Гришка, ворованную колбасу есть не буду, сам сопи.

Гришка не брезговал добычей, под водочку колбаску-то и умял. Сам себе праздник устроил. Иногда прибивался к какой-нибудь бабёнке, но кому такой несамостоятельный мужик нужен? Выгоняли его бабы. Вновь пьянствовал. Бывало и на улице засыпал, ладно летом, а то и зимой нередко. Так и нажил себе туберкулез. Тетка не выгоняла его, жалела. Жил у неё, пока не помер. Так тёта Анна осталась одна. Состарилась и превратилась в Бабу Ягу. Маленький домишко превратился в запущенную избёнку. Большую часть избы занимала печь. Стол, около стола две широкие деревянные лавки, кровать у печки. На окнах выцветшие занавески. Вот и все убранство хозяйки. Как-то старшая сестра отца обратилась к Верке.

– Вера, вы бы с девчонками сходили к тетке Анне, да прибрались бы у неё в доме. Девки были активными пионерками.

– Сходим, поможем, – по-тимуровски, с готовностью пообещали они. Девочки пришли к старушке и объявили о генеральной уборке. Бабка обрадовалась.

– Помогите, девушки, помогите, милые.

Помощницы вымыли окна, выскоблили лавки, стол. Промели и вымыли пол. Песком вычистили два чугунка, три алюминиевых чашки, ложки, одну кружку – другой кухонной утвари в доме не было. Принесли дров и аккуратно

уложили к печке. Потом сели на лавку и осмотрелись. Самим понравился порядок, который они создали. Тёта Анна в долгу не осталась. Угостила работниц пряниками. «Не такая уж она и Баба Яга», – подумала Верка. Через пару дней Верка зашла к бабушке, чтобы занести молоко и остолбенела от увиденного. Посредине избы стоял чугунок с вареной картошкой. Со стола свисал дырявый вехоть. На полу валялась солома. Пахло дымом. Верка молча поставила бидончик с молоком и, не сказав «До свидания», вышла. Придя домой, она рассказала матери об увиденном.

– Ой, Вера, да это образ ее одинокой жизни, бедность хоть кого может превратить в Бабу Ягу. Когда была в силе себя обихаживала, избушку свою прибирала, а сейчас едва ходит. В дом престарелых ее надо определять. Золовка Катя говорила, что хлопчет уже по этому делу. Как-то вернувшись из школы, Верка застала в доме сестру отца Екатерину Ивановну. Тетка рассказывала о доме престарелых, куда определила тёту Анну.

– Вымыли ее там, стрижку сделали, усадили на кровать. Долго сидела, осматривалась, а потом и говорит.

– Ты, Катя, меня ведь в рай привезла. Спасибо тебе.

Но недолго погостила тётка Анна в раю, через полгода умерла. Больше полувека прошло с той поры, а избушка тёты Анны до сих пор стоит в деревне. Как укор тому старому времени, в котором бедность была делом обыденным.

Детство моё прошло в селе Курьи.

*Молодёжи в 1960 – 1970 годы в нашем селе
было много, и жила она шумно, весело, азартно.*

Вспомнился мне один забавный случай.

ПОДСОЛНУХИ

Подходил к концу последний месяц лета. Август нарядил рябины и березы в разноцветные сарафаны. А в огородах созревали подсолнухи. У Серебряковых они были особенно знатные. Огромные шляпы важно покачивались на устойчивых зрелых стеблях. Веркиной сестре Томке исполнилось этим летом 15 лет. Из симпатичной милой толстушки «турумбаевой» (так называл её отец) она превратилась в красивую девушку, длинноногую и стройную. Особенно красивыми у Томки были глаза. Карие, миндалевидные, а брови выгнуты тонкой дугой, как-будто нарисованные. Волосы у Томки были длинные, до пояса, с медным отливом. Томка была заводилой в своей компании подружек. Она не только хорошо училась, но отличалась смекалкой, юмором и была большой фантазеркой. Было воскресенье, и Томкина компания была в сборе, сидели на лавочке возле дома Серебряковых. Обсуждали прочитанную литературу, заданную на лето. Но литература в этот вечер была не главное, девчонки собирались пострадовать. А это означало срезать два-три подсолнуха в чужом огороде. Подсолнухами промышляла вся сельская молодежь, хотя у каждого в огороде росли свои солнышки на ножках.

– Куда пойдём? – спросила Томка у девчат.

– К Борматухе ближе всех.

Ленька Копылов, он же Борматуха, был пьяница. И хотя у него подрастали трое своих ребятишек, распечатал он четвертый десяток лет, для своих деревенских он оставался «Борматухой». Когда стемнело, девчонки потихонечку пошли по тропинке к Борматухиному огороду. Томка с сестрой перелезли через забор и тихонько стали пробираться между картофельными рядами к огородному пугалу, именно около него росли три больших подсолнуха. Две подружки остались, так сказать, на стреме, караулить. И вот, наконец, подсолнухи.

– Светка, - сказала Томка, а на голове у пугала вчера вроде ведро было, а сегодня шляпа.

– Да давай складешок скорей, срезаем и уходим, – шёпотом ответила Светка. Она обхватила ствол одного из подсолнухов, а Томка осторожно начала срезать шляпу. И вдруг пугало зашевелилось и шагнуло к девчонкам. Пугало схватило Томку за рукав. Взвизгнув от испуга, девчонки шарахнулись в сторону. Светка аж присела от неожиданности. А затем обе пустились к забору, перепрыгивая через картофельные кусты. Девки с разбегу перемахнули изгородь, и в одно мгновение все четверо оказались в огороде Серебряковых. Они ждали погони, но было тихо. На следующий вечер девчата снова собрались, вспоминали вчерашние приключения. Хохотали до слез и икоты. В образовавшуюся паузу Светка спросила у Томки:

– А ты на физкультуре сколько в высоту берёшь?

– Метр двадцать, не больше.

– А забор-то у Лёньки около двух будет.

– Да ну?

– Ну, метр восемьдесят точно.

И девки опять залились хохотом. Больше к Борматухе в огород они не лазили. А Лёнька ещё долго при встрече с Томкой повторял одну и ту же фразу:

– А на голове у пугала вчера вроде ведро было, а сегодня шляпа, – при этом приподнимал свою шляпу с головы и отвешивал с улыбкой поклон. Томка же в ответ говорила короткое: «Здрасти» и пробежала мимо, как ни в чём не бывало.